

личности, как амбициозность, мотивированность, коммуникабельность, положительная настроенность, способность договариваться. Названные качества в современном медиадискурсе отражаются в целом ряде оценочных прилагательных, семантика, сочетаемость и функционирование которых анализируется в докладе: *грамотный, продвинутый, компетентный, амбициозный, мотивированный, позитивный, коммуникабельный, договороспособный, успешный, эффективный, востребованный, креативный* и др. К этому ряду можно отнести лексемы *адекватный* и *вменяемый*, имеющие, однако, в отличие от вышеперечисленных крайне размытую семантику. Специального внимания заслуживает слово *амбициозный*, которое в постсоветское время изменило вектор оценки с отрицательного на положительный.

Следует отметить, что советскому человеку многие из рассматриваемых качеств также были присущи, но, во-первых, многие из них имели другие названия, во-вторых, в современном обществе стали востребованы и актуализировались новые элементы их смысла.

Сафонова Ю. А.
Москва, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ОПРАВДАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.0. Законодательством запрещено: оправдание терроризма, то есть «высказывания о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» [Примечание 1 к ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»], и реабилитация нацизма, то есть «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором» [ст. 354.1. УК РФ «Реабилитация нацизма»].

1.1. Коммуникативное действие «оправдание». Из сказанного в п. 2 следует, что запрещено коммуникативное действие типа «оправдание» (действий и взглядов): утверждение о том, что существующая, общепризнанная, ценностная негативная оценка предмета речи как преступления не верна. Автор утверждает, что предмет речи (=преступление) заслуживает высокой оценки, так как ценностно значим и для адресата. Таким образом, автор признает позитивно ценностным мировоззренческий потенциал не просто чужой группы, но группы преступной.

1.2. Предметы речи. Типичные предметы речи: «исторические» преступления (деяния нацистов, отраженные в приговоре Международного трибунала) или современные (деяния террористических организаций, включенных в список Минюста). Но если речь идет о лицах, чья деятельность в судебном порядке не была признана преступной, либо о деяниях, не признанных преступными всем мировым сообществом? Например: Боровиков – террорист, но не был осужден; генерал Власов осужден, но как предатель (не как нацист); вермахт не признан преступной организацией Международным трибуналом. При этом несомненно, что *Власов*, *власовцы*, *вермахт* имеют отрицательную аксиологическую маркированность. Это представляет экспертную трудность: сталкиваются ценностные ориентиры и правовые, экспертно значимые признаки.

1.3. Оценка предмета речи. Обе группы – своя и чужая (=преступная) – используют один и тот же репертуар языковых средств и способов для выражения противоположных (в общечеловеческом понимании) ценностных смыслов. Общие способы выражения позитивной оценки при оправдании: героизация, восхваление, прославление, одобрение, экземплификация, отрицание состава преступления. Но если автор – преступник, то лингвист-эксперт устанавливает способы обоснования (а не оправдания) идеологии, действий: террористы не оправдываются, они информируют (это и есть цель) о своих ценностных смыслах (путем обоснования необходимости своей деятельности либо в интересах адресата, либо как ответные действия, возмездие).

2. Аксиологическая маркированность слов *оправдание* и *реабилитация*: плюс или минус?